

ФРАНСИН РИВЕРС

Сад Любви

4-е издание

ВИССОН
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Санкт-Петербург, 2023

Когда Корбан Солсек увидел оценку «хорошо» в своей курсовой работе по социологии, сердце его куда-то ухнуло, а желудок сжался. Он был так потрясен увиденным, что от гнева его сначала бросило в жар, потом в холод. Он с такой самоотдачей и так много работал над тезисами своей курсовой! Он проверил и перепроверил всю найденную информацию и первоисточники, тщательно продумал методологические принципы, выдвинул идею и, наконец, разработал программу. Он должен был получить только «отлично»! Что, собственно, происходит? Он стал перелистывать свою курсовую работу, пробегая глазами идеально, без единой пометки отпечатанные страницы. Ни одного исправления, ни одной пометки на полях — ничего, что могло бы указать, почему он не получил той оценки, которую, как ему казалось, он заслуживает.

Ни единой красной черточки. Нигде. Ни слова.

Смятенный Корбан резким движением раскрыл тетрадь и, написав число, попытался сконцентрироваться на лекции. Читавший ее профессор Вебстер несколько раз устремлял взгляд прямо на него, выделяя из числа ста двадцати студентов, заполнивших ярусы парт. Каждый раз, перед тем как уткнуться в свою тетрадь и нацарапать энное количество слов, Корбан вскидывал голову, и на несколько секунд его взгляд застыл на профессоре Вебстере. К этому человеку он относился с глубоким почтением, что некоторым образом даже затрудняло отстаивание достойной оценки.

И все-таки я потребу́ю объяснений. Я не должен принимать эту отметку без борьбы.

Курсовая работа не просто хорошая, она блестящая. И он, Корбан, не какой-то там заурядный студент. Он вложил в свою работу

душу и сердце и рассчитывал на соответствующее к себе отношение. Разве не в этом убеждал его отец?

«Ты всегда должен уметь постоять за себя, Кори, — говорил он. — Никому не позволяй придирается к тебе. Они недовольны — вырази им еще большее недовольство. Ответь им так, чтобы они навсегда забыли о своих придирах. Я не для того вырастил сына, чтобы вокруг него разводили пустую болтовню».

Благодаря неустанным трудам и непреклонной решимости, отец Корбана проделал путь от самых низов в компании грузового автотранспорта до руководителя высшего звена. Он прошел через все: начинал с водителя грузовика, был коммивояжером, потом администрирование, должность исполнительного директора и, наконец, стал совладельцем компании. Отец гордился своими успехами, хотя недостаток образования нередко смущал его. Ему так и не удалось проучиться более одного года в высшем учебном заведении. Пришлось бросить учебу, чтобы после смерти своего отца, не перенесшего обширного инфаркта, стать опорой для матери и младших детей в семье.

Через год после того, как отец вышел на пенсию, точно такой же инфаркт унес и его жизнь. Он оставил богатой вдове, двум сыновьям и дочери право распоряжаться его собственностью.

«Сконцентрируйся на том направлении, которое выберешь, — наставлял отец. — Поступи в хороший университет. Лучший, если это возможно. Держись до конца. Не позволяй никому и ничему встать на твоём пути. Получишь красный диплом именитого учебного заведения, и считай, что ты прошел полпути по лестнице, которая поведет тебя наверх еще до получения твоей первой работы».

Ни в коем случае Корбан не собирается смиряться с полученной оценкой. Слишком много труда он вложил в курсовую работу. Это, наконец, несправедливо.

— Вы хотели что-то сказать, мистер Солсек? — Профессор Вебстер пристально посмотрел на Корбана с кафедры.

Корбан услышал тихое хихиканье нескольких студентов. Легкий шелест бумаги, скрип стульев — все в аудитории повернулось и уставилось на него, сидящего в центре среднего ряда.

— Что, сэр?

— Ваш карандаш, мистер Солсек, — уточнил профессор, вскинув домиком бровь. — У нас не урок игры на ударных инструментах.

Лицо Корбана запылало, как только он осознал, что, пока в его голове теснились мысли, он постукивал по парте карандашом.

— Простите.

Корбан вернул карандаш в надлежащее для его прямого назначения положение и одернул взглядом двух хихикающих сокурсников. Как вообще эти пустоголовые могли попасть в Беркли?

— Можем ли мы, с вашего позволения, двигаться дальше, мистер Солсек? — Профессор Вебстер еще раз посмотрел на него с едва заметной улыбкой.

Нараставшее возмущение Корбана без остатка вытеснило первоначальное смущение.

Да этот гусь еще и издевается!

Теперь у него появились две законные причины для негодования: несправедливая оценка и публичное унижение.

— Да, сэр, разумеется. — Он сухо улыбнулся и изобразил на лице холодное презрение.

К концу лекции мышцы лица Корбана болели от напряжения. Ощущение было таким, словно двухтонный слон разлегался на его грудной клетке. Он принялся неторопливо заталкивать тетрадь в рюкзак, где уже лежали книги и две небольшие папки с рефератами. Хорошо еще остальные студенты спешно покинули помещение. Только два или три человека, задержавшиеся в аудитории, забрасывали вопросами профессора Вебстера, который стирал с доски написанное. С курсовиком в руке Корбан спустился по ступенькам и направился к кафедре.

Профессор Вебстер собрал в стопку свои бумаги и спрятал их в папку.

— У вас ко мне вопрос, мистер Солсек? — спросил он, уложив папку в свой портфель и щелкнув замком. Его темные, с хитринкой глаза остановились на Корбане.

— Да, сэр. — Он протянул свой курсовик. — Я очень много работал над ним.

— Это заметно.

— Я не нашел здесь ни единого исправления.

— Они не понадобились. Все, что вы хотели сказать, изложено очень хорошо.

— Тогда почему вы поставили «хорошо», а не «отлично»?

Рука профессора Вебстера застыла на портфеле.

— В предложенной вами программе есть все данные для превосходной оценки вашей работы, мистер Солсек, но не хватает одного очень важного и, я бы сказал, основного компонента.

Как такое могло случиться? Они с Рут тщательнейшим образом перепроверили всю курсовую работу перед подачей. Он ничего не упустил.

- В чем же дело, сэр?
- Человеческий фактор.
- Простите, в каком смысле?
- Человеческий фактор, мистер Солсек.
- Я расслышал, сэр. Только не могу понять, что вы имеете в виду.

Вся моя работа *сфокусирована* на человеческом факторе.

- Неужели?

Корбан сдержал свой гнев, вызванный сардоническим тоном Вебстера, и усилием воли заставил себя говорить более спокойно.

- Как, по-вашему, я могу сделать этот фактор более очевидным, сэр?

Он страстно желал иметь отличную оценку по социологии и не собирался довольствоваться более низким баллом. Ее он выбрал основным, профилирующим предметом и на протяжении трех лет стабильно получал высокие оценки. И теперь ему вовсе ни к чему нарушать эту традицию и портить диплом.

- Включите в свою работу социологическое исследование.

Корбан покраснел от злости. Ведь очевидно же, что профессор недостаточно внимательно прочитал его курсовик.

- Мною был учтен опыт социологических исследований. Вот здесь, на пятой странице. И еще здесь, на восьмой.

Вся его программа опиралась на взятые из реальной жизни факты. Как может профессор так говорить?

- Вы взяли эти факты из многочисленных докладов. Знаю, знаю. Я прочитал список использованной вами литературы, мистер Солсек. Чего вам действительно недостает, так это *личного* контакта с теми, кого может коснуться предложенная вами программа.

- То есть вы хотите, чтобы я проводил опрос на улицах?

Корбан не сумел скрыть некоторого презрения, вкравшегося в его вопрос. Сколько времени ему понадобится, чтобы составить подходящий вопросник? И сколько сотен людей придется найти и опросить? Разве он писал диссертацию, а не курсовую работу, основное требование к которой — изложить программу тезисно? Ведь не в аспирантуре же он учится. Пока.

- Нет, мистер Солсек. Мне бы хотелось, чтобы свои предложения вы подкрепили составленным лично вами социологическим портретом. И одного такого портрета будет вполне достаточно.

- Только одного, сэр? Но это...

- Одного, мистер Солсек. У вас нет времени на большее. Добавьте человеческий фактор, и тогда вы получите желаемую оценку. Я уверен в этом.

Корбан не разделял уверенности профессора, однако чувствовал его глухое недовольство. Может, они не сошлись характерами? А может быть, его программа несостоятельна? Но как такое возможно? Если эту программу осуществить, то решатся многие актуальные проблемы, с которыми сталкивается руководство штата.

— Может быть, в вашей собственной семье, мистер Солсек, есть такой человек, который соответствовал бы заданным в вашей программе параметрам?

— Нет, сэр.

Вся его семья живет в Коннектикуте и северной части Нью-Йорка, слишком далеко, чтобы он мог взять у своих родственников интервью, подтверждающее его тезисы. Кроме того, в семье водятся деньги. Его отец сумел подняться выше заурядных представителей среднего класса. А отправной точкой в работе Корбана служили малообеспеченные слои населения. В его семье никто не рассчитывал на социальное пособие. Он подумал о своей матери, которая большую часть года жила в Швейцарии со своим вторым мужем, брокером по инвестиционным ценным бумагам.

— Это, по-видимому, представляет для вас проблему, мистер Солсек? — Профессор Вебстер взял со стола свой портфель. — Тем не менее, я совершенно уверен, что вы справитесь с ней.

— Перестань ворчать, Кори, — бросила вечером Рут, когда они встретились в снимаемой ими на двоих квартире, находившейся в нескольких кварталах от Университи-авеню. — Все очень просто. Если хочешь получить отличную оценку, следуй рекомендациям профессора. Он ведь не предложил тебе сделать что-то ужасное. — Она провела рукой по своим прямым, коротко стриженным волосам цвета воронова крыла и открыла буфет, стоявший на их маленькой кухоньке.

— *Опять* у нас нет фильтров для кофе?

— Почему же, есть. Посмотри слева от раковины.

— Я их туда не клала, — заявила она, закрывая дверцу шкафчика, который только что подвергла осмотру.

— Это я переложил. Подумал, что будет логичнее поставить кофейник на нижнюю полку, а кружки на верхнюю, прямо над фильтрами и кофе.

Рут вздохнула:

— Если б я раньше поняла, насколько несносный у тебя характер, я бы хорошенько подумала, прежде чем поселиться с тобой под одной крышей.

Она достала из шкафчика банку с кофе и пакет с фильтрами.
— Один социологический портрет. — Кори постучал карандашом. — Это все, что мне нужно.

— Портрет женщины.

Он нахмурился:

— Почему именно женщины?

— Потому что слабый пол более разговорчивый, вот почему. — На лице Рут появилась гримаса. — Только не проболтайся моим эмансипированным подружкам, что я говорила тебе об этом.

— Женщины так женщины. Прекрасно. Какой?

— Такой, с которой у тебя возникнет взаимопонимание, — заметила Рут, засыпав в кофейник полную мерную ложку кофе, обжаренного по-французски.

— Мне ни к чему личные отношения.

— А как, по-твоему, ты получишь ответы на интересующие тебя вопросы, если не сдружишься с объектом своего исследования?

— У меня нет времени завязывать дружбу, Рут.

— Ты же знаешь, что это вовсе не будет *дружба на всю жизнь*. Все-го лишь на время, пока не завершишь свою курсовую работу.

— В моем распоряжении всего несколько месяцев. Вот так. Все, что мне нужно, — это найти человека, который полностью отвечал бы заданным в моем курсовике параметрам и сотрудничал бы со мной.

— О, это, несомненно, *впечатлит* профессора Вебстера.

— А ты что предлагаешь?

— Все очень просто. Тебе нужно найти какой-нибудь побудительный мотив.

— Ты имеешь в виду деньги?

— Нет, деньги здесь ни при чем. Не будь таким наивным, Кори.

Ему не понравился ее снисходительный тон, и он почувствовал некоторое раздражение. Снова постучал карандашом, но не стал ничего говорить. Рут посмотрела на него и слегка насупилась:

— Не кипятись, Кори. Все, что тебе нужно, — это предложить какие-нибудь услуги в обмен на информацию.

Тут он рассмеялся:

— Разумеется. Только вот какие такие услуги мне следует предложить?

Рут, выражая свое неодобрение, закатила глаза:

— Терпеть не могу, когда у тебя подобное настроение. Невозможно в нашем мире быть таким перфекционистом. Ты меня поражаешь, Кори. Подключи свое воображение. У тебя ведь оно есть, не так ли?

Раздраженный ее тоном, он откинулся на спинку кресла и швырнул курсовик на стол, подальше от себя. Как бы ему хотелось повернуть время вспять и выбрать совершенно другую тему своей курсовой работы. Перспектива общения с людьми вызывала в нем легкую нервозность, хотя он и не собирался признаваться в этом Рут. Выбрав профилирующими дисциплинами маркетинг и телекоммуникации, она без труда могла говорить с кем угодно, когда угодно и о чем угодно. Разумеется, нельзя сбрасывать со счетов и ее феноменальную память.

— Перестань заводитьсь по этому поводу. — Рут налила себе в чашку горячего кофе. — Просто пойди в ближайший супермаркет и помоги какой-нибудь милой старушке донести до дома купленные ею овощи.

— С моей-то невезучестью?... Она, скорее всего, решит, что я наркоман и охочусь за ее авоськой. — Он снова взял карандаш и принялся постукивать им по столу. — Хорошо бы проверить это дело через какую-нибудь местную благотворительную организацию.

— Вот наконец-то ты нашел решение. — Она наклонилась к нему и поцеловала в губы, потом, прежде чем выпрямиться, отняла карандаш и заложила его себе за ухо. — Я знала, что ты найдешь решение.

— Что у нас с обедом? — поинтересовался он, как только Рут отодвинулась от него. — Сегодня твоя очередь готовить.

— О, Кори, я *не могу*. Прости, пожалуйста, ты ведь знаешь, как долго я вожусь с приготовлением еды. Если мне придется заняться стряпней, я должна буду сделать все как следует, а мне еще нужно прочесть двести страниц и повторить кое-какой материал для завтрашнего теста.

Ни больше ни меньше. Так обычно и бывает, в большинстве случаев ему приходится готовить самому.

Прислонившись к косяку, Рут задержалась в дверях и подарила ему свою чарующую улыбку; темные волосы выгодно подчеркивали безупречный овал ее лица. У нее были замечательные черные глаза и улыбка, которую производители зубной пасты мечтают видеть в рекламе своей продукции. Кожа у нее была без единого изъяна, как у английских аристократок, как, впрочем, и все остальное. Рут Колдуэлл явила себя миру в весьма обольстительной оболочке, к тому же за ее блистательной внешностью скрывался незаурядный ум. И честолюбие, в лучшем смысле этого слова.

Одного свидания с этой девушкой оказалось вполне достаточно, чтобы Кори понял, насколько она подходит ему. Ну, а после второй

встречи и страстной ночи, проведенной в его квартире, в этом не осталось никаких сомнений. Голова у него шла кругом, и гормоны неистовствовали. Через месяц после их первого свидания у него возникли проблемы с учебой, на которой ему никак не удавалось сосредоточиться, и как справиться с этим, он не имел никакого понятия. Потом провидение улыбнулось ему. Как-то за чашечкой кофе Рут рассказала ему о своих финансовых трудностях. Она призналась, что не представляет, где взять деньги на оплату семестра. И тогда он предложил ей переехать к нему.

— Правда? — В ее безумно красивых черных глазах заблестели слезы. — Ты серьезно?

Он почувствовал себя рыцарем в сверкающих доспехах, который спасает попавшую в отчаянное положение даму. Деньги не составляли для него проблемы.

— Куда уж серьезнее.

— Не знаю, Кори...

— Почему бы и нет? — Как только решение было принято, он должен был найти способ для достижения своей цели.

— Потому что мы недостаточно долго знаем друг друга, — не без тревоги в голосе ответила она.

— Что бы ты хотела услышать обо мне, чего еще не знаешь?

— О, Кори. У меня такое ощущение, что я знакома с тобой целую жизнь, но все-таки это довольно серьезный шаг.

— Не думаю, что он многое изменит в нашей жизни. Каждую свободную минуту мы проводим вместе. Спим вместе. А если будем вместе жить, лишь сэкономим время.

— Понимаешь, это *серьезно*. Как супружество. А я к этому не готова, Кори. Даже не хочу задумываться о браке на данном этапе моей жизни. Слишком много других задач, которые нужно решить в первую очередь.

При слове *брак* по его телу пробежал легкий холодок. Он тоже не был готов к такому повороту в своей жизни.

— Никаких взаимных обязательств, — предложил он на полном серьезе. — Затраты на продукты и предметы домашнего обихода мы разделим с тобой поровну. Как тебе мое предложение? — Сейчас, вспомнив свои слова, он поморщился, но тогда, чтобы убедить ее, говорил достаточно много. — Зато мы будем готовить сами, и это сократит наши расходы.

Хотя денег лично ему хватало, он беспокоился о том, чтобы не задеть ее самолюбие.

На следующий день Рут переехала к нему.

Прошло полгода, как они живут вместе, и он иногда ловит себя на мысли...

Рут вернулась на кухню и снова наклонилась к нему, чтобы поцеловать.

— Опять у тебя такое лицо. Знаю, сегодня моя очередь готовить. Я просто ничего не могу поделать с тем, что иногда на меня наваливается сразу столько дел, Кори. Учеба на первом месте. Разве мы с тобой не договорились об этом? — Легким движением руки она взъерошила ему волосы. Малейшего прикосновения Рут все еще было достаточно, чтобы у него закипела кровь. — Почему бы тебе не заказать что-нибудь из китайской кухни?

В последний раз, когда она сделала такой заказ, ему пришлось выложить целых тридцать баксов. Но не деньги его беспокоили, нет. Дело принципа.

— Давай-ка лучше я схожу и куплю пиццу.

Она поморщилась и пожала плечами:

— Покупай что хочешь.

Корбан знал, что Рут не любит пиццу. Когда бы он ни покупал ее, она ела с неохотой, прикладывая бумажную салфетку к своему кусочку, чтобы промокнуть лишний жир.

— Верни мой карандаш, — проговорил он, когда она снова направилась к двери.

— Какой же ты брюзга.

Она достала карандаш из-за уха и кинула на стол.

Оставшись один на кухне, он призадумался. Как же такое возможно: сходить по кому-то с ума и одновременно чувствовать, что не все идет как надо.

Что-то не так.

Пригладив рукой волосы, он встал со своего места. Сейчас у него нет времени размышлять о его с Рут отношениях. Нужно сконцентрироваться на курсовой работе и решить, как спасти свою репутацию. Он взял телефонную книгу и, шлепнув ее на стол, открыл на желтых страницах. Нашел длиннющий список благотворительных организаций, предлагающих свои услуги пожилым людям. Остаток вечера он посвятил тому, что звонил по телефону и задавал вопросы, пока не нашел то, что отвечало бы параметрам, заданным в его курсовике.

— Это просто замечательно, что у вас есть интерес к безвозмездному оказанию помощи, мистер Солсек, — ответила ему дама на другом конце провода. — Среди наших сотрудников очень мало студен-

тов высших учебных заведений. Разумеется, вам следует прийти на собеседование, заполнить кое-какие анкеты и посещать воскресные лекции по профориентации. У вас есть сертификат, дающий право заниматься подобной деятельностью?

— Нет, мэм, — буркнул он, с трудом сдерживая раздражение.

Собеседование? Анкеты? Лекции? Лишь для того, чтобы из числа альтруистических побуждений проводить старушку до банка или овощного магазина?

Кратко записывая полученную информацию, Кори тяжело вздохнул.

Чтоб у вас все тело покрылось волдырями, профессор Вебстер, за то, что вы втянули меня во все это!

— Не смей делать этого, Энн-Линн! Как тебе могла прийти в голову такая нелепица?

Нору трясло от злости. Именно тогда, когда она решила, что все складывается просто великолепно, ее дочь взбунтовалась. Нет, не выйдет! Все будет идти по намеченному плану.

— Мама, я пыталась сказать тебе, как важно...

— Даже не собираюсь слушать, Энни. — Нора встала из-за стола и взяла свою чашку с блюдцем. Послышалось легкое дребезжание, выдававшее ее нервное состояние. Усилием воли Нора уняла дрожь в руках, отнесла посуду к раковине и аккуратно поставила на облицованную кафелем столешницу. — Ты можешь просто позвонить Сьюзен и сообщить, что пришла в себя и разум, наконец, возобладал над твоими чувствами.

— Мам, пожалуйста. Я хорошо все продумала...

— Я сказала, нет! — Нора отказывалась смотреть на дочь, чтобы не видеть ее бледного лица, умоляющего взгляда голубых глаз. Эмоциональное манипулирование, вот как это называется. Она не поддастся ни на какие уловки. Чтобы успокоиться, Нора открыла дверцу посудомоечной машины и поставила туда чашку и блюдце. — Ты едешь в Уэллсли. Как и было решено.

— Тобой решено, мам, не мной.

В ответ на это тихое замечание Нора с силой захлопнула дверцу и, повернувшись к дочери, устремила на нее пылающий гневом взгляд.

— Человек должен обладать хоть малой толикой здравого смысла, даже если на этот раз твой отец с тобой заодно. Разве не он говорил тебе, что диплом такого престижного университета, как Уэллсли, открит перед тобой все двери?

— Он сказал, что университет в Калифорнии ничем не хуже.
— Конечно, в *Калифорнии*, потому что он там живет.
— Папа сказал, что готов согласиться со мной, лишь бы я чувствовала себя счастливой.

Сердце Норы бешено заколотилось от охватившего ее негодования. Как он посмел свести на нет все ее труды? В состоянии ли он, вообще-то, хотя бы раз подумать не только о себе? Единственная причина его пробудившейся любви к Калифорнийскому государственному университету — это желание удержать Энни на западном побережье.

— Он желает тебе добра, а я нет, так? На это он намекает? Ну, тогда он глубоко ошибается! Любовь — это когда ты желаешь кому-то лучшего.

— Это и есть лучшее для меня, мама. Я начну работать и сумею сама оплачивать свое обучение.

— Работать официанткой в ресторане и получать до смешного мизерную зарплату? Какая же ты все-таки наивная!

— Знаю, у меня не будет того комфорта, которым ты и Фред окружили меня здесь, дома, зато я буду жить в отдельной квартире...

— Которую будешь делить с какой-то хиппующей девицей...

— ...И питаться, и...

— Ты что, думаешь, я для того оплачивала твоё обучение в лучших частных школах, чтобы ты в ресторане обслуживала столики? Ты хоть представляешь, сколько я потратила, чтобы дать тебе образование? Уроки музыки, танцев, занятия гимнастикой, курсы хороших манер, художественная лепка, тренировки в группе поддержки... Я заплатила тысячи долларов, не говоря уже о тысячах часов *моего* времени, которые мне пришлось потратить на то, чтобы ты получила все лучшее и имела возможности, каких у меня *никогда* не было. Я пожертвовала собой ради тебя и твоего брата.

— Мама, это нечестно...

— Да, ты абсолютно права. Нечестно. По отношению *ко мне*. Ты не поедешь в Сан-Франциско и не будешь жить, как хиппи, в этой дешевой квартирке со Сьюзен. Ты непустишь возможность поехать в Уэллсли только потому, что тебе, видите ли, взбрело в голову учиться в художественной школе. Да имей ты хоть сколько-нибудь значительный талант, неужели ты думаешь, я не послала бы тебя учиться в Париж?

Нора заметила, как болезненно исказилось лицо Энни. Ну, что ж, лучше сразу выложить все начистоту и вернуть дочь с небес на землю.

Да, будет немного больно, но куда лучше сделать больно сейчас, чем видеть, как дочь упускает свой шанс обеспечить себе достойное и безбедное будущее. К тому же в университете она сможет продолжить свои дурацкие занятия искусством, выбрав их в качестве факультативного курса.

— Мам, пожалуйста, дослушай меня. Я много молилась об этом и...

— Энн-Линн, не смей снова заговаривать со мной о Боге! Слышишь? Худшее из того, что я когда-либо совершала, случилось, когда я отправила тебя на лето в христианский лагерь. С тех пор ты просто сама не своя!

Слезы задрожали в глазах дочери, однако Нора не желала проявлять слабость. Она бы ни за что не справилась с этой задачей, если бы не видела, что ее девочка стоит на перекрестке своей жизни. Энни должна выбрать правильный путь. Нора понимала, что если она хоть на миг уступит, ей придется распрощаться со всеми надеждами, которые она возлагала на будущее дочери.

— Я очень тебя люблю, Энн-Линн, — начала она более миролюбиво. — Иначе позволила бы тебе делать все, что ты захочешь. Доверься мне. Я знаю, какой путь для тебя является правильным. Когда-нибудь ты мне скажешь за это спасибо. А теперь поднимись в свою комнату и обдумай все еще раз. — Заметив, что дочь собирается что-то сказать, Нора жестом остановила ее: — Больше ни слова. Ты и так причинила мне много боли. Сейчас сделай, пожалуйста, то, о чем я попросила.

Не поднимая головы, Энни медленно встала из-за стола. Нора наблюдала за ней, мысленно прикидывая, следует ли продолжить борьбу для полной уверенности, что дочь раздумала потратить впустую свою жизнь. Девочка она красивая — просто загляденье; рост у нее высокий, как у модели, а руки такие тонкие и изящные, что она могла бы играть на фортепиано; имея аттестат с высоким средним баллом, она могла бы поступить в любой университет страны, только вот здравого смысла ей не хватает. Глаза Норы защипало от слез, и она не собиралась их скрывать. Что за горькая ирония? Неужели дочь решится разрушить ее планы, которые она вынашивала годами?

— Мам, мне пора начинать самой принимать решения.

Нора стиснула зубы, ощутив, как между ней и дочерью стремительно разверзается пропасть.

— Поскольку ты в последнее время так увлечена Библией, почему бы тебе не заглянуть в ту ее часть, где говорится о почитании своих родителей. И поскольку твой отец отсутствует, не сосредоточить ли

тебе все свое почитание на *мне*? Иди в свою комнату, пока я вконец не потеряла терпение.

Энни тихо ушла.

Снова почувствовав нервную дрожь, Нора оперлась о столешницу. Сердце выстукивало барабанную дробь. Ей никогда не приходило в голову, что Энни будет противиться ее планам. Возможно, не стоило так умиляться, когда дочь досрочно окончила школу. У Энни появилось много свободного времени, и она могла делать все что душе угодно.

Немного успокоившись, Нора вздохнула. Она гордилась Энни и охотно рассказывала своим друзьям, что уже в январе ее дочь получила аттестат с высоким средним баллом. В сущности, балл мог бы оказаться намного выше с учетом тех оценок, которые поставили Энни на курсах в высшей школе. Но только как можно показать результат, превышающий отличный?

Ей следует куда-нибудь пристроить Энни, чтобы отвлечь от досужих мыслей. Тогда у нее не останется времени ходить домой к Сьюзен и мечтать о том, какой восхитительной будет независимая жизнь, на самом-то деле просто убогая из-за отсутствия денег.

«Я собираюсь жить со Сьюзен...»

Сьюзен Картер! Этой девице никогда не одолеть гору более высокую, чем горсть бобов. Да, Картеры — очень симпатичные, но не зажиточные люди. Том, синий воротничок*, тянет лямку обычного работяги, а его жена Марианна занимается низкооплачиваемым сестринским делом. Как они сумели прокормить и одеть-обуть шестерых детей, просто в голове не укладывалось. Жаль, конечно, что Тому Картеру не хватило здорового честолюбия, чтобы создать для Марианны такие условия, при которых она полностью могла бы посвятить себя работе по дому и уходу за собственными детьми. Сын их, Сэм, какое-то время сидел в тюрьме для малолетних преступников, и со Сьюзен проблем немало, того и гляди с ней что-нибудь приключится.

Нора вошла в гостиную и без лишних раздумий извлекла из китайского буфета красного дерева хрустальный бокал для вина на высокой ножке. Вернувшись на кухню, открыла холодильник и достала оттуда бутылку белого шабли. Нужно успокоить расшалившиеся нервы. Прежде чем уйти на веранду, она наполнила бокал вином, потом

* Синими воротничками называют рабочих. — *Здесь и далее все примечания принадлежат редактору русского издания.*

закупорила бутылку и поставила ее обратно в холодильник. В белом плетеном шезлонге Нора удобно устроилась среди пухлых цветастых подушек и вытянула стройные ноги.

Старые обиды начали подниматься со дна ее души, как пузырьки газа со дна бокала. Что бы только Нора не отдала за те возможности, какие она предоставляла Энни. И разве дочь высоко ценит это? Нет, конечно. Как избалованный ребенок, Энн-Линн хотела все делать по-своему. Хотела сама выбирать. Она еще не произнесла сакраментальной фразы: «Это моя жизнь, и я хочу прожить ее по-своему». Но все, что она успела наговорить, сводилось, в конце концов, именно к этому.

«Я не позволю ей ничего подобного. Она не превратит свою жизнь в руины».

Нора медленно стала выдыхать воздух через нос, чтобы привести свои растрепанные чувства в порядок. Потом отпила вина. Ей нужно было подумать об Энни и о том, что ей предпринять, если дочь будет по-прежнему витать в облаках. Впереди конец весны и лето. Времени у Энн-Линн в избытке. А это серьезная проблема. Ладно, ее можно легко решить. Она постарается приобщить дочь к какому-нибудь делу. Вплоть до июня Энни будет помогать детям сначала в начальной, а затем в воскресной школе с выполнением домашних заданий, что, кстати, послужит выгодным дополнением к ее резюме.

У Норы разболелась голова, и она ощутила неумолимое приближение очередного приступа мигрени. Когда Энни спустится из своей комнаты вниз, надо попросить ее, чтобы она поставила матери холодный компресс. Может быть, тогда эта девчонка поймет, до чего она довела свою мать?

Ну почему Энн-Линн взбунтовалась именно теперь? То, что на прошлой неделе ей исполнилось восемнадцать, вовсе не означает, что она готова к самостоятельной жизни! Это Сьюзен внушает ей всякие нелепые идеи. Или отец. У Норы есть достаточно веская причина позвонить ему и высказать все, что она думает о его участии в жизни дочери. Калифорнийский государственный университет! Туда поступают люди среднего достатка. Возможно, если бы он предложил Стэнфорд...

Последние четыре года были просто чудесными. До этого времени Нора часто задавалась вопросом, не убежит ли ее дочь из дому и не станет ли обительницей трущоб. Когда Энни вышла из эмоционально неустойчивого подросткового возраста, то наконец успокоилась, образумилась и стала преуспевать во всем. Только однажды

взмолилась, чтобы ее освободили от занятий балетом и музыкой. Но, услышав отказ, безропотно подчинилась и успешно выполнила индивидуальную программу, которую составили специально для нее. Она прилежно училась в школе, была избалована вниманием сверстников и принимала от своих воздыхателей даже больше звонков, чем положено любой девочке ее возраста. Но лишь избранные Норой воздыхатели удостоились свидания с ее дочерью. В конце концов, ей вовсе не хотелось, чтобы Энни выскочила замуж за какого-то заурядного Джо из Бей-Эриа.

Уэллсли. Вот где Энн-Линн познакомится с высокообразованными людьми из высшего общества и будет вращаться в студенческой среде «Лиги плюща»*, ну а потом выйдет замуж за преуспевающего человека.

Почему Энн-Линн хочет отказаться от всего этого именно сейчас?

«Я молилась...»

Эти слова раз за разом раздражали Нору все сильнее. Она осушила бокал и поднялась, чтобы налить себе еще.

Поначалу Нора не придавала особого значения духовному «обращению» Энни. Правда, это слово действовало на нее, как красная тряпка на быка, оно дразнило и мучило, оскорбляло, как полученная пощечина. Кого, по мнению этой девчонки, Нора собой представляет? Безбожницу? А разве не она приучила семью регулярно посещать церковные службы? Родной отец Энни даже был когда-то дьяконом, а Фред, у которого не было лишнего времени, делал очень щедрые пожертвования. Нора раздраженно нахмурилась, вновь подумав об этом. Да и сама она много раз входила в состав женских комитетов и во время проведения каждой благотворительной акции наполняла мешки консервированными продуктами.

Вернувшись в очередной раз из летнего лагеря, Энн-Линн сказала: «Я стала христианкой, мама. В лагере я уверовала в Иисуса Христа, признав Его Спасителем и Господом. Пастор Рик окрестил меня. Я так счастлива и хочу, чтобы ты за меня порадовалась».

Она *стала* христианкой? А кем же тогда она была все эти годы, по ее мнению? Язычницей?

Нора не стала заострять на этом внимание. Хотя она и сочла заявление дочери глупым и наивным, но вскоре стала замечать неко-

* «Лига плюща» — ассоциация восьми старейших привилегированных университетов и колледжей северо-запада США. Считается, что члены лиги отличаются высоким качеством образования и в связи с этим определенным снобизмом по отношению к другим американским университетам.

торые весьма желанные изменения во взглядах на жизнь и поступках Энни. Если дочери хотелось отнести все это на счет Иисуса, прекрасно, пускай. На тот период для Норы имело значение лишь обуздание бунтарского характера и укрощение упрямого нрава дочери. Энни не только слушалась и делала то, что было велено, но и принимала это с благодарностью, она поддерживала чистоту и порядок в своей комнате и даже предлагала помочь по дому. В прямом, пожалуй, смысле благословенная перемена после стольких лет постоянных перепадов настроения, столь характерных для переходного возраста. Если Энни вернулась из лагеря покладистой и послушной барышней, готовой повиноваться и делать все, что от нее требуется, тогда ладно, спасибо и слава Богу за это.

Только порой дочь бросала многозначительные взгляды, по которым Нора могла догадаться, что в душе этой молодой особы происходит нешуточная борьба.

О такой дочери, какой была Энни последние четыре года, она могла только мечтать. Все Норины друзья завидовали ей: такая воспитанная, милая девочка, особенно если учесть, что их собственные дочери дерзили им, баловались наркотиками, гуляли с парнями и даже убегали с ними, беременели, а потом делали аборт.

Энни была безупречной.

Энни была предметом ее гордости и источником радости.

И Нора *не позволит* дочери наделать глупых и нелепых ошибок.

Поднявшись наверх, в свою залитую солнечным светом комнату, Энни села на кровать с пологом из тончайшего, вязанного крючком кружева. Скрестив ноги и прижав к груди розовую атласную подушку, она изо всех сил пыталась унять струившиеся по щекам слезы. Почему мама всегда заставляет ее чувствовать себя виноватой? Не имеет значения, как она старается, не имеет значения, насколько хорошо она все делает, этого всегда недостаточно. Одна малейшая ошибка, одна неверная мысль, не совпадающая с тем, что ее мать считает правильным, и ей в очередной раз будет сказано, какая она неблагодарная, непослушная, упрямая и глупая. Если собственные слова казались матери недостаточно убедительными, она пускала в ход мигрень и этим закрепляла свое превосходство. Возможно, прямо сейчас мать находится внизу, лежит на веранде в шезлонге и успокаивает нервы белым вином, время от времени меняя холодный компресс на лбу.

И это моя вина. — Энни почувствовала свою полную беспомощность. — Всякий раз, когда я пытаюсь перечить, происходит одно и то же. И когда только это закончится?

О, Господи, Ты знаешь, я из всех сил стараюсь забывать о своих обидах и сосредоточиваться на мыслях о Тебе. Мама знает все мои уязвимые места и как на них воздействовать. Почему она такая? Иисус, Ты знаешь, я старалась понять ее, старалась радовать, но ей всегда было мало. — Что еще хуже, Энни не понимала логики матери. Она жалуется на то, как много денег и времени потратила на дочь, но при этом не позволяет ей найти работу и жить самостоятельно. — Именно она настаивает на том, чтобы я поехала в Уэллсли. Ты знаешь, каких денег это стоит, Господи. Но я не могу поехать туда. Я чувствую, что Ты побуждаешь меня идти другим путем. Мама не желает слышать о занятиях искусством. Господи, раньше она говорила, что любит Сьюзен, но теперь называет ее хиппи и считает недостаточно хорошей для того, чтобы быть моей соседкой по квартире.

Как мать могла говорить, что гордится достижениями Энни в учебе и в ту же самую минуту допускать, что ее дочь глупа и не способна принимать решения, касающиеся собственной жизни?

«Поскольку в последнее время ты так увлечена Библией, почему бы тебе не заглянуть в ту ее часть, где говорится о почитании своих родителей».

Разве почитание означает беспрекословное подчинение? Готовность быстро отступать? Готовность предать самое себя, чтобы не нарушить чьих-то планов? И даже неважно каких?

Энни знала, что если она поедет учиться в Уэллсли, мать не успокоится и продолжит строить планы на будущее. Начнет названивать и выпрашивать, с каким парнем она встречается, достойный, подающий ли надежды он человек. Что, разумеется, означает высокие результаты тестирования, отличные оценки и выбор такого профилирующего предмета, который обеспечит блестящую карьеру и финансовый успех. Юриспруденция. Медицина. Бизнес. Мать непременно захочет знать всю подноготную молодого человека: откуда он родом и из хорошей ли семьи, является ли он потомком одного из пассажиров «Мейфлауэра»*, есть ли у его семьи генеалогическое древо, успешны ли его родители и владеют ли огромным

* «Мейфлауэр» — судно, которое в августе 1620 г. прибыло из Плимута (Великобритания) в Северную Америку, где и высадились 102 его пассажира, ставшие первыми переселенцами.

и отнюдь не новоприобретенным состоянием, а также высок ли их социальный статус.

Энни укоризненно покачала головой, подумав о том, что ее мать может вполне объективно и широко смотреть на вещи и не будет возражать, если ее дочь начнет встречаться с потомком первых переселенцев, разумеется, только в том случае, если его семья хорошо всем известна, почитаема и весьма уважаема.

Как, к примеру, семейство Кеннеди.

Энни вновь охватило чувство вины и раскаяния. Ее мать не настолько плохая.

Неужели я становлюсь похожей на нее, Господи? Когда я вырвусь на свободу, буду ли я обращаться со своими детьми, как она со мной? Или я потеряю рассудок и однажды поймаю себя на том, что говорю им: «У меня не было абсолютно никакой свободы, поэтому вы можете делать все, что вам заблагорассудится»? О, Отец, прости меня, но я начинаю ненавидеть свою мать!

Энни не хотела держать на нее обиду. Но мать отказывалась слушать. Это очень огорчало Энни и лишало ее уверенности в себе. И со временем ситуация становилась все хуже.

Я думала, что как только вырасту, смогу уехать и жить самостоятельно. Однако создается впечатление, будто она держит меня мертвой хваткой, выпустив свои коготки. Чем отчаяннее я сопротивляюсь, тем глубже они вонзаются в мое тело. Боже, помоги мне... пожалуйста.

Почитание. Какой смысл мать вкладывает в это слово?

Допустим, она поедет в Уэллсли...

Это лишь отстрочит неизбежное. Если поехать, мать не раз напомним, сколько жертв она принесла во имя этого. А если не поехать, то до конца своих дней придется выслушивать упрёки в том, что она неблагодарная дочь и что упустила свой шанс, не воспользовавшись обстоятельствами.

Господи, я в западне. Что мне делать?

Энни чувствовала свою обреченность. Какой путь она ни избежит, все равно будет ощущать себя отбившимся от стада теленком, который убежал лишь для того, чтобы загонщик с легкостью накинуд на него веревку. Мать уже развела огонь и держит наготове клеймо, только не имя Божье выжжет она на теле дочери. «Собственность Норы Гейнз» — вот какое тавро она поставит. Но успокоится ли на этом?

Ничто из того, что делала Энни, не выглядело правильным в глазах ее матери, если только не было сделано по ее указу.

«Стань снова в стойло, Энни. Я знаю, для чего ты явилась на свет, и я намерена решительно подгонять тебя».

Но знает ли она куда? Чего на самом деле хочет ее мать?

Я не знаю, что делать, Господи. Я чувствую, как ты указываешь мне собственный путь, а мама тащит меня в другую сторону. Как мне разорвать эти узы, освободиться и поступить по Твоей воле, но при этом не причинить маме боль и страдания? Почему она не может просто меня отпустить?»

Энни хотела вести себя так, как подобает любящей дочери, но это становилось все труднее. Она уже не могла находиться в одной комнате с матерью. Если бы сейчас она не поднялась к себе наверх, то выплеснула бы поток гневных слов, о чем потом горько жалела бы. Она всегда опускала глаза, чтобы не выдать своих чувств, и молчала, зная, что когда начнет говорить, ее слова превратятся в огненный поток, а чувства вспыхнут, как сухой ковыль в степи: обронишь одно слово — и забушует пламя. Энни приходилось сжимать кулаки, чтобы не вскинуть руки и не закричать: «Уйди с моей дороги, мама! Тебе невозможно угодить! Меня тошнит от такой жизни. Почему *ты* не начнешь жить для себя, чтобы дать мне возможность жить *по-своему*?»

Энни держала в себе гневные слова, чтобы ее отношения с матерью не превратились в черное пепелище. Она знала о матери такое, чего вовсе не хотела знать. Например, Нора Гейнз была очень обидчивой. Она хранила в памяти длинные списки нанесенных ей оскорблений и людей, оскорбивших ее. Она ничего, никого и никогда не забывала и не прощала. Ее прошлое напоминало Энни разложенный по ящикам боезапас. В подходящий момент мать умела достать любой снаряд и в мгновение ока открыть прицельный огонь. Энни знала имя каждого человека, который когда-либо ее обидел, и знала, как именно он это сделал. Нора Гейнз постаралась, чтобы ее прошлое не кануло в Лету.

Иногда обвинения за прежние проступки обрушивались на голову Энни, и тогда мать извлекала из памяти свой список и начинала бесконечное перечисление имен.

«Ты прямо как твой отец. У него тоже никогда не хватало ума, чтобы подумать о своем будущем... Ты прямо как твой отец, все время грезишь наяву. Ты прямо как он...»

Или еще хуже.

«Ты, как твоя бабушка Лиота, думаешь только о себе, и на чувства других людей тебе наплевать... Моя мать была вечно занята и не проводила со мной столько времени, сколько я проводила с тобой. Она ни-

когда не любила меня так, как я люблю тебя... Она ничего мне не дала, и в восемнадцать лет я ушла от нее, чтобы жить самостоятельно... Я хотела, чтобы у тебя были возможности, каких не было у меня. И я добилась этого».

Энни не помнила ни одного случая, чтобы ее мать сказала хоть одно доброе слово о своей собственной матери, Лиоте Рейнхардт. И это наводило Энни на размышления. Виновата ли бабушка Лиота в том, какой стала ее мать, Нора?

У Энни не было возможности разобраться в причинно-следственных связях, выслушивая только одну сторону. С бабушкой Лиотой она виделась *редко*, хотя та жила поблизости, в Окленде. Бабушка ничего не рассказывала, даже когда внуков привозили к ней в гости: чтобы не беспокоить взрослых, их сразу отсылали играть во двор.

Энни безуспешно пыталась вспомнить хотя бы один случай, когда их с Майклом отправила бы играть во двор бабушка. Приезжая в Окленд, мать всегда начинала жаловаться на сильную головную боль, поэтому они там никогда не задерживались больше часа или двух. По дороге домой обиженная и раздраженная мать принималась перечислять все бабушкины прегрешения.

Однажды, когда родители еще жили в браке, Энни услышала, как отец признался, что любит Лиоту. Он произнес это признание в первый и последний раз. Его слова были восприняты матерью как вызов. После чего началась крупная ссора, продолжительная и громкая, с хлопаньем дверями и битьем посуды. Воспоминания об этой ночи навсегда запечатлелись в памяти Энни. Она не могла забыть, какие отвратительные обвинения выкрикивали ее родители. Спустя полгода они подали на развод. С восьми лет Энни прочно усвоила: нельзя упоминать имя бабушки Лиоты и ни в коем случае не спрашивать о ней.

Энни легла на кровать и стала смотреть на потолок сквозь кружево полога, подаренного ей на четырнадцатилетие. В тот день мать устроила грандиозную вечеринку, на которую пригласила друзей Энни из школы, из балетной студии и секции гимнастики. Гостей было много. И мать очень постаралась, чтобы подарок, который она сделала дочери, они увидели в последнюю очередь и слышали ее подробный рассказ о том, как в журнале, посвященном дизайну интерьера, она прочитала об этой замечательной вещице и позвонила в издательство, чтобы узнать адрес фирмы-производителя. «Эта кружевная роскошь проделала долгий путь из Бельгии», — заключила она, раскрыв большую коробку, и все присутствующие восхищенно ахнули. Одна подруга даже наклонилась к Энни и шепнула

ей на ухо: «Как бы я хотела, чтобы и моя мама купила мне такую же прелесть».

Энни вспомнила свое желание швырнуть этот подарок обратно в упаковочную коробку, профессионально украшенную невообразимым количеством шелковых ленточек, и передать той девчонке с наилучшими пожеланиями. Ей хотелось крикнуть: «Я не просила об этом! Она будет использовать свой подарок против меня. В ту самую секунду, когда я посмею с ней не согласиться, она тут же заявит: „Как ты можешь быть такой неблагодарной? Я купила тебе великолепный кружевной полог. Мне пришлось звонить в редакцию журнала, которая находится за тридевять земель, целую вечность торчать у телефона, чтобы узнать, какая фирма производит такие замечательные вещи, а потом отправить письмо в Бельгию. Ты можешь представить, во сколько мне обошлась эта покупка? Я бы многое отдала, чтобы в маленькой тусклой комнатенке, где прошло мое детство, оказалось нечто столь же великолепное. И после всего этого ты не хочешь выполнить мою небольшую просьбу?“»

В душе Энни что-то шевельнулось, затеплилось, будто забрезжил слабый свет. Лишь отблеск света, но он мерцал, как зажженная в темной кладовой спичка. Она вдруг смогла отчетливо увидеть истину, и холодок пробежал по ее телу.

О, Боже... О, Боже. Я лежу здесь, на кровати, точно так же, как внизу, в шезлонге, лежит моя мать. И точно так же, как и она, я раздуваю свои обиды. Я презираю ее за это, но становлюсь похожей на нее.

Энни в тот же миг села, сердце ее учащенно забилося.

Я не могу оставаться здесь. Не могу продолжать все это. В противном случае я приду к такой же всепоглощающей ненависти, с какой она относится к своей матери.

Соскочив с кровати, она ринулась в свою гардеробную. С легкостью отодвинула зеркальную дверцу раздвижного шкафа и стащила с верхней полки свой чемодан. Она стала открывать ящики комода, вынимать только самое необходимое и все наспех упаковывать. Этих вещей хватит на то время, пока она основательно не устроится со Сьюзен. Энни взяла с прикроватной тумбочки свою Библию и положила ее поверх одежды. Опустив крышку чемодана, она заперла его на ключ.

Следует ли поговорить с матерью? Нет, лучше не рисковать. Она отдавала себе отчет, во что могут вылиться препирательства с матерью. Энни села за свой письменный стол, выдвинула боковой ящик,

достала оттуда весьма симпатичный набор письменных принадлежностей и довольно долго просидела в задумчивости. Неважно, что она напишет, все равно ничто не изменит мнение матери. Потерла глаза, потом нос, плотно сжала губы.

Боже... Боже... — Она не знала даже, о чем ей молиться. Не знала, правильно она поступает или ошибается. — *Почитание. Что все-таки оно предполагает?*

«Мама, — написала она, — я благодарна тебе за все, что ты для меня сделала. — Вновь долго и неподвижно сидела, обдумывая, что же еще написать, чтобы смягчить удар. Ничего не приходило в голову. Ничего ведь и не поможет. Все, что возникло в ее воображении, это неумная ярость. — Я люблю тебя, — наконец, заключила она и просто подписалась. — Энни».

Она положила записку на кровать, на самую ее середину.

Нора услышала, как скрипнула тихонько лестница, и поняла, что Энни спускается вниз.

Неплохо. У нее было время все хорошенько обдумать.

Нора приняла расслабленную позу на своем ложе, поправила уже ставший теплым компресс и стала ждать, когда с извинениями появится ее дочь.

Входная дверь открылась и захлопнулась.

Удивленная и раздраженная, Нора села.

— Энни?

Разозлившись, она сдернула со лба компресс и вскочила на ноги. Заглянула в гостиную, позвала еще раз. Вероятно, дочь пошла побродить и развлекаться. Со своих прогулок Энни возвращалась более сговорчивой. Однако Нора не любила томить себя долгим ожиданием, которое приводило ее в раздраженное состояние духа. Терпение не являлось одним из ее достоинств. Нора предпочитала как можно быстрее улаживать все вопросы, чтобы избавлять себя от лишнего беспокойства и ненужных размышлений. Она никогда не тревожилась о том, что творится в душе у Энни. Главное — всегда знать, где находится и о чем думает ее дочь.

Почему у нее такой трудный характер? Я все делаю так, чтобы ей было лучше!

Войдя в столовую, она увидела Энни сквозь прозрачные шелковые занавески на окнах, выходящих на центральную улицу. Дочь как раз забрасывала свой чемодан в багажник новенького «Сатурна»,

купленного ей отцом в подарок на окончание школы. Совершенно ошеломленная, Нора стояла в оцепенении, наблюдая, как Энни захлопнула багажник, обогнула машину и, открыв дверцу со стороны водителя, скользнула на сиденье.

Куда это она надумала ехать? Она ни разу не уезжала из дома без разрешения.

Как только машина Энни покатилась по улице, одновременно два чувства пронзили Нору: раскаленная добела ярость и леденящий душу страх. Она побежала к двери, распахнула ее и выскочила из дома.

— Энни!

Нора Гейнз стояла на своей идеально ухоженной, как на картинке, лужайке и смотрела на задние огни машины ее дочери, которые разочек мигнули во время недолгой остановки на углу, а затем машина свернула и исчезла из вида.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Благодарность	5
Глава 1	6
Глава 2	29
Глава 3	48
Глава 4	66
Глава 5	88
Глава 6	114
Глава 7	136
Глава 8	152
Глава 9	174
Глава 10	190
Глава 11	210
Глава 12	230
Глава 13	261
Глава 14	278
Глава 15	297
Глава 16	313
Глава 17	327
Глава 18	337
Глава 19	354
Глава 20	372
Глава 21	385
Глава 22	400
Глава 23	409
Глава 24	442
Глава 25	457